

ДЕМОГРАФИЯ И РАССЕЛЕНИЕ DEMOGRAPHY AND SETTLEMENT

УДК 913:323.11 (476)

DOI: 10.37490/S221979310034271-1

А. С. Соколов

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, г. Гомель, Беларусь

Псковский государственный университет, г. Псков, Россия

E-mail: alsokol@tut.by

ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ И НЕОДНОРОДНОСТИ ЭТНИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА БЕЛОРУССИИ

Статья посвящена анализу возрастной структуры основных этнических групп населения Белоруссии — белорусов, русских, поляков, украинцев, а также изменению показателя этнической неоднородности населения в зависимости от возраста. Установлено, что во всех регионах наблюдается устойчивое снижение индекса этнической мозаичности от более старших возрастов к более молодым. Доля населения в возрасте 0–9 лет от всего населения этнической группы максимальна для белорусов, и более чем вдвое превышает аналогичный показатель для русских и украинцев. Доля населения в возрастных группах старше 40 лет, наоборот, для белорусов самая низкая, а для украинцев и русских наиболее высокая. При этом среднее количество рождённых детей одной женщиной в возрасте 15 лет и старше среди белорусов меньше, чем среди остальных рассматриваемых этнических групп. Такая картина указывает на происходящие ассимиляционные процессы среди этих этнических групп, смена их самоидентификации на титульную. Доля русских и украинцев среди городского населения моложе трудоспособного возраста по сравнению со старше трудоспособного уменьшается более интенсивно, чем сельского, доля поляков, наоборот, показывает более высокие темпы уменьшения среди сельского населения.

Ключевые слова: этновозрастная структура, белорусы, русские, поляки, украинцы, этническая идентичность, этническая ассимиляция.

Для цитирования: Соколов А. С. Возрастные особенности этнической структуры и неоднородности этнического пространства Белоруссии // Псковский регионологический журнал. 2025. Т. 21. № 2. С. 64–86. DOI: <https://doi.org/10.37490/S221979310034271-1>

A. S. Sokolov

Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus

Pskov State University, Pskov, Russia

E-mail: alsokol@tut.by

AGE SPECIFICS OF THE ETHNIC STRUCTURE AND HETEROGENEITY OF THE ETHNIC SPACE OF BELARUS

The article is devoted to the analysis of the age structure of the main ethnic groups of the population of Belarus — Belarusians, Russians, Poles, Ukrainians, as well as the change in the index of ethnic heterogeneity of the population depending on age. It was found that in all regions there is a steady decrease in the ethnic mosaic index from older to younger ages. The share of the population aged 0–9 years from the total population of the ethnic group is the highest for Belarusians, which is more than twice as high as the same indicator for Russians and Ukrainians. The share of the population in age groups over 40 years, on the contrary, is the lowest for Belarusians, and the highest for Ukrainians and Russians. At the same time, the average number of children born to one woman aged 15 years and older among Belarusians is less than among the other ethnic groups under consideration. This pattern indicates the ongoing assimilation processes among these ethnic groups, the change of their self-identification to the titular one. The share of Russians and Ukrainians among the urban population younger than the working age compared to the older working age decreases more intensively than the rural population, the share of Poles, on the contrary, shows a higher rate of decrease among the rural population.

Keywords: ethnic age structure, Belarusians, Russians, Poles, Ukrainians, ethnic identity, ethnic assimilation.

For citation: Sokolov A. S. (2025), Age specifics of the ethnic structure and heterogeneity of the ethnic space of Belarus, *Pskov Journal of Regional Studies*, vol. 21, no. 2, pp. 64–86. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.37490/S221979310034271-1>

Введение. Возрастная составляющая этнической структуры населения является важным направлением исследований этнического пространства. Она позволяет выявить факторы трансформации этнической структуры, определить происходящие в настоящее время этнические процессы и дать прогноз их развития в будущем. Этнические группы, проживающие на территории Белоруссии, характеризуются различными историческими особенностями их появления, распространения, взаимодействия между собой, в силу чего отличаются по своим демографическим характеристикам, в т. ч. возрастной структуре. Её изучение способствует выявлению особенностей миграционных процессов, степени интеграции в общество, процессов трансформации этнической идентичности, социальных особенностей.

Целью исследования является количественная оценка этнической гетерогенности в различных возрастных группах в населении регионов Белоруссии, выявление зависимости изменений этнической структуры от возраста населения.

Объектом исследования являются четыре наиболее многочисленные этнические группы (белорусы, русские, поляки, украинцы), который суммарно составляют 97,2 % населения Белоруссии. Информационной базой исследования являются данные переписи населения 2019 г. в Республике Беларусь¹.

Изученность вопроса. Особенностью этнического пространства постсоветских государств являются процессы смены этнической идентичности, затронувшие ряд этнических групп [3; 4; 19]. Данный фактор является основной причиной уменьшения численности белорусов и украинцев в России, русских и украинцев в Белоруссии [1; 6; 7; 11; 15; 16; 18; 23; 24], меняющих свою идентичность на титульную. Кроме них, ассимиляция наблюдается и у ряда других народов, в первую очередь финно-угорский и тюркских [9; 25; 29]. Смена идентичности на русскую наблюдается у белорусов и украинцев в странах Средней Азии и Закавказья [2; 22; 28]. В первую очередь, фактором, способствующим этнической ассимиляции, является межэтническая брачность, уровень которой у рассматриваемых этнических групп достаточно высок [5; 8; 12], однако распространённой является и ситуация, когда титульную идентичность выбирают и потомки нетитульных моноэтнических семей [7; 9; 17; 19], особенно молодого возраста. Выходцы из полиэтничных браков чаще также вступают в полиэтничные браки, увеличивая степень межэтнической брачности [13; 17; 26; 29]. Ряд авторов [1; 14] считает, что в ряде случаев речь может идти не о полной ассимиляции, а о распространении множественной (чаще всего двойной) идентичности, когда индивид одновременно или в зависимости от ситуации считает себя представителем сразу двух этнических групп, хотя возможность фиксации такой идентичности в этнической статистике отсутствует [1; 10; 14; 21; 25].

Этническая ассимиляция проявляется в деформации возрастной структуры этнических групп — значительному уменьшению доли их населения в молодых возрастах и увеличению в старших [5; 17; 27]. Данное явление отмечено и среди ряда этнических групп Белоруссии [24]. Таким образом, анализ её этновозрастной структуры позволяет определить интенсивность ассимиляционных процессов и является неотъемлемым элементом исследования этнического пространства страны.

Результаты и их обсуждение. Основным показателем степени гетерогенности этнической структуры населения является индекс этнической мозаичности (ИЭМ), рассчитываемый как сумма квадратов долей этнических групп в общем количестве населения, отнятая от единицы. В целом ИЭМ населения Белоруссии в 2019 г. составлял 0,273 (0,282 для городского и 0,238 для сельского населения), наибольшее значение принимал в Гродненской области (0,482), наименьшее в Могилёвской (0,198).

Если рассчитывать данный показатель отдельно по возрастам, то во всех регионах будет заметна устойчивая тенденция его снижения с уменьшением возраста (рис. 1а). Для математического выражения зависимости значения ИЭМ от возраста нами были рассчитаны уравнения регрессии (табл. 1), графики которых представлены на рис. 1б. Угловые коэффициенты уравнений, представляющие собой тангенс угла наклона графика к оси x , позволяют сравнить интенсивность (градиент) умень-

¹ Итоговые данные переписей населения Республики Беларусь. [Электронный ресурс]: URL: <https://census.belstat.gov.by/>.

шения значения ИЭМ с уменьшением возраста для различных регионов страны в целом. Наибольшее его значение для г. Минска — 0,0034 на 1 год возраста, наименьшее для Витебской области — 0,0020. Свободный член уравнения регрессии показывает значение ИЭМ в точке его пересечения с осью y , т. е. в возрасте 0 лет. Коэффициент детерминации R^2 , представляющий собой квадрат коэффициента корреляции, позволяет определить насколько регрессионная модель соответствует данным, на основе которых она построена, т. е. какая доля дисперсии зависимой переменной объясняется регрессионной моделью с данным набором независимых переменных.

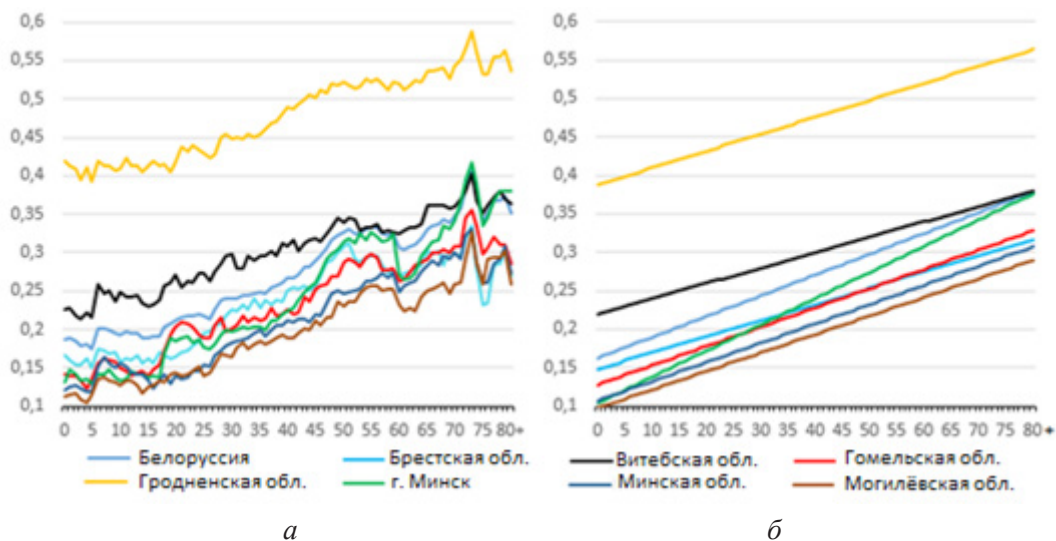

Рис. 1. Графики возрастной динамики индекса этнической мозаичности (а) и уравнений регрессии (б)

Fig. 1. Graphs of age dynamics of the ethnic fractionalization index (a) and regression equations (b)

Таблица 1

Уравнения регрессии, иллюстрирующие зависимость ИЭМ (x) от возраста населения (y), и коэффициенты детерминации R^2 по регионам Белоруссии

Table 1

Regression equations illustrating the dependence of EF-index (x) on the age of the population (y), and coefficients of determination R^2 by regions of Belarus

Регион	Уравнение регрессии	R^2	Регион	Уравнение регрессии	R^2
Брестская обл.	$y = 0,0021x + 0,1482$	0,819	г. Минск	$y = 0,0034x + 0,1037$	0,923
Витебская обл.	$y = 0,0020x + 0,2195$	0,943	Минская обл.	$y = 0,0025x + 0,1069$	0,926
Гомельская обл.	$y = 0,0025x + 0,1277$	0,932	Могилёвская обл.	$y = 0,0024x + 0,0972$	0,944
Гродненская обл.	$y = 0,0022x + 0,3875$	0,935	Белоруссия	$y = 0,0027x + 0,1624$	0,945

Наименьшим (хотя и довольно высоким) значением коэффициента характеризуется Брестская область, т. е. уменьшение с возрастом ИЭМ в данном регионе в наименьшей степени (на 81,9 %) соответствует линейной модели. В целом все регио-

ны, за исключением г. Минска, характеризуются очень сходной величиной градиента снижения ИЭМ с возрастом. Существенное отличие для г. Минска может быть обусловлено одной из выявленных нами [20] аномалий в результатах переписи населения 2019 г. — значительным увеличением количества населения белорусов в возрасте моложе трудоспособного в г. Минске (на 38,4 %) за период между переписями 2009 и 2019 гг., в то время как во всех других регионах суммарно оно возросло только на 5,2 %, а количество населения белорусов в трудоспособном возрасте в г. Минске выросло лишь на 9,4 % (причём показатели естественного прироста в Минске наиболее низкие из всех регионов).

Были рассчитаны значения ИЭМ по 10-летним возрастным группам для Белоруссии и всех её регионов (табл. 2). В г. Минске максимальное его значение в группе 80 лет и более, во всех остальных регионах в группе 70–79 лет. От возрастных групп с максимальными значениями к более молодым ИЭМ в основном последовательно снижается, за исключением возраста 50–59 лет, где в 4 регионах зафиксировано небольшое его увеличение. Коэффициент вариации V, показывающий степень изменчивости показателя по отношению к среднему значению, максимален также для г. Минска, а без учёта его — для Могилёвской области, минимален для Гродненской области. Отношение ИЭМ в группе с наиболее высоким его значением к группе 0–9 лет в целом по Белоруссии составило 1,94, в г. Минске — 2,75, в Могилёвской области — 2,33, в Гомельской — 2,22, в Минской — 2,18, Брестской — 1,79, в Витебской — 1,60, в Гродненской — 1,36.

Таблица 2

Значения ИЭМ по регионам Белоруссии в 10-летних возрастных группах

Table 2

EF-index values by regions of Belarus in 10-year age groups

Регион	0–9	9–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60–69	70–79	80+	V	Ср.
Брестская обл.	0,163	0,161	0,193	0,232	0,267	0,292	0,285	0,291	0,270	0,213	0,238
Витебская обл.	0,232	0,243	0,274	0,294	0,319	0,334	0,344	0,371	0,363	0,155	0,307
Гомельская обл.	0,144	0,152	0,201	0,214	0,245	0,287	0,285	0,320	0,286	0,250	0,233
Гродненская обл.	0,409	0,413	0,436	0,458	0,504	0,520	0,526	0,556	0,537	0,109	0,482
г. Минск	0,138	0,149	0,186	0,205	0,260	0,319	0,295	0,372	0,380	0,338	0,240
Минская обл.	0,136	0,140	0,155	0,194	0,222	0,261	0,272	0,297	0,272	0,272	0,212
Могилёвская обл.	0,121	0,129	0,150	0,181	0,206	0,247	0,240	0,283	0,259	0,278	0,198
Белоруссия	0,189	0,195	0,223	0,248	0,289	0,327	0,321	0,367	0,351	0,229	0,273

Изменения ИЭМ в возрастных группах относительно среднего по регионам значения показаны в таблице 3. В возрастных группах старше 40 лет значения ИЭМ превышают средние, моложе 40 лет — становятся ниже.

Таблица 3

Отношения значений ИЭМ по регионам Белоруссии в 10-летних возрастных группах к средним значениям по регионам

Table 3

Ratios of EF-index values by regions of Belarus in 10-year age groups to the average values by regions

Регион	0–9	9–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60–69	70–79	80+
Брестская обл.	0,68	0,68	0,81	0,97	1,12	1,23	1,20	1,22	1,13
Витебская обл.	0,76	0,79	0,89	0,96	1,04	1,09	1,12	1,21	1,18
Гомельская обл.	0,62	0,65	0,86	0,92	1,05	1,23	1,22	1,37	1,23
Гродненская обл.	0,85	0,86	0,90	0,95	1,05	1,08	1,09	1,15	1,11
г. Минск	0,58	0,62	0,78	0,85	1,08	1,33	1,23	1,55	1,58
Минская обл.	0,64	0,66	0,73	0,92	1,05	1,23	1,28	1,40	1,28
Могилёвская обл.	0,61	0,65	0,76	0,91	1,04	1,25	1,21	1,43	1,31
Белоруссия	0,69	0,71	0,82	0,91	1,06	1,20	1,18	1,34	1,29

В таблице 4 показаны отличия ИЭМ в возрастных группах по регионам по сравнению с значением ИЭМ в каждой группе для всего населения Белоруссии. Выше среднего показателя в Витебской и Гродненской областях, причём в обеих эта разница имеет тенденцию к увеличению. Коэффициент вариации V также устойчиво увеличивается к более молодым группам, что говорит об увеличении степени дифференциации между областями по значению ИЭМ с уменьшением возраста.

Таблица 4

Отношения значений ИЭМ по регионам Белоруссии в 10-летних возрастных группах к значениям в возрастным группам населения Белоруссии в целом

Table 4

Ratios of EF-index values by regions of Belarus in 10-year age groups to values in age groups of the population of Belarus as a whole

Регион	0–9	9–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60–69	70–79	80+	Ср.
Брестская обл.	0,86	0,83	0,87	0,94	0,92	0,89	0,89	0,79	0,77	0,87
Витебская обл.	1,23	1,25	1,23	1,19	1,10	1,02	1,07	1,01	1,03	1,12
Гомельская обл.	0,76	0,78	0,90	0,86	0,85	0,88	0,89	0,87	0,81	0,85
Гродненская обл.	2,16	2,12	1,96	1,85	1,74	1,59	1,64	1,51	1,53	1,77
г. Минск	0,73	0,76	0,83	0,83	0,90	0,98	0,92	1,01	1,08	0,88
Минская обл.	0,72	0,72	0,70	0,78	0,77	0,80	0,85	0,81	0,77	0,78
Могилёвская обл.	0,64	0,66	0,67	0,73	0,71	0,76	0,75	0,77	0,74	0,73
$V =$	0,49	0,48	0,41	0,35	0,32	0,26	0,27	0,25	0,27	0,33

Описанные тенденции изменения ИЭМ говорят о том, что с уменьшением возраста увеличивается моноэтничность населения. Это иллюстрируется рисунком 2, где показаны графики изменения доли основных национальностей в населении страны для различных возрастов по сравнению с самым молодым возрастом 0 лет, значения долей в котором приняты за 1.

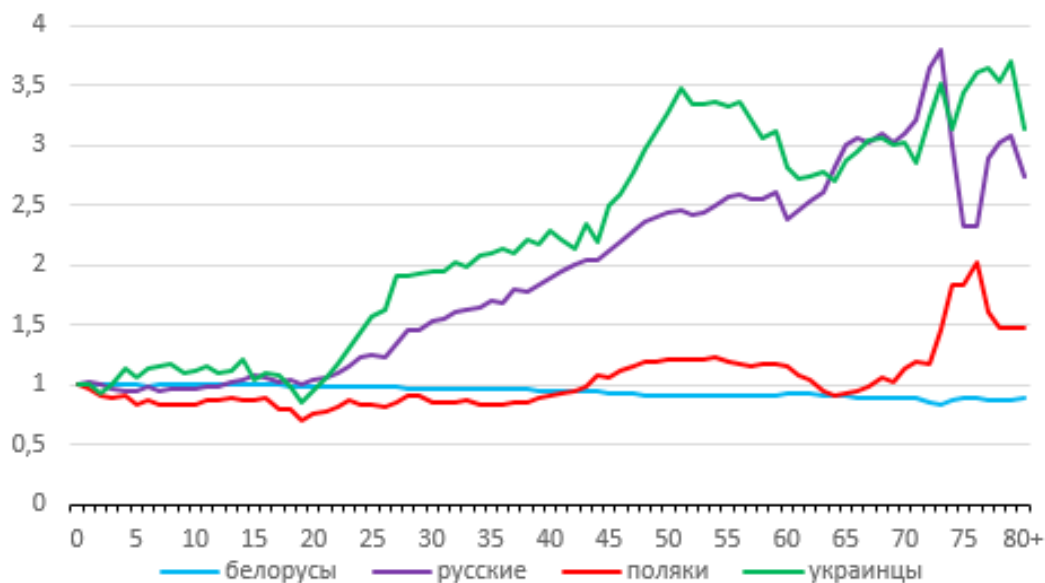

Рис. 2. Отношение доли населения белорусов, русских, поляков, украинцев в населении Белоруссии по возрастам к доле их населения в возрасте 0 лет

Fig. 2. The ratio of the proportion of Belarusians, Russians, Poles, Ukrainians in the population of Belarus by age to their proportion in the population aged 0 years

Существенно уменьшаются по мере уменьшения возраста доли русских и особенно украинцев до возраста около 20 лет, где они стабилизируются. Доля поляков уменьшается в существенно меньшей степени и стабилизируется в возрасте около 37 лет. Доля же белорусов характеризуется медленным возрастанием. Соотношение долей населения по возрастным группам каждой национальности от общего количества населения соответствующих национальностей показано на рисунке 3. Доля белорусов в возрасте 0–9 лет от общей численности белорусов составляет 12,2 %, что более чем в два раза превышает аналогичную долю русских и украинцев. Доля поляков в первой возрастной группе немного уступает доле белорусов — 10,1 %. Доля белорусов также лидирует в других группах до 40 лет. Максимальна она (16,5 %) в возрасте 30–39 лет, у остальных этнических групп — 50–59 лет.

Доля населения основных национальностей среди общего количества населения по 10-летним группам в разрезе регионов Белоруссии приведены в таблице 5. Доля белорусов в целом по стране в возрасте 0–9 лет по сравнению с возрастом 80 и более лет повышается на 10,3 %, по регионам эта величина составляет от 6,4 % (Брестская область) до 15,7 % (г. Минск) и 12,0 % (Гродненская область). Доля поляков уменьшается в 1,7 раза, доли русских и украинцев снижаются на почти одинаковую величину — в 2,8 и 2,9 раза соответственно. По снижению доли поляков лидируют Витебская область (в 4,1 раза) и Минская область (в 3,3 раза), минимальная величина в г. Минске (в 1,2 раза) и Гродненской области (в 1,3 раза).

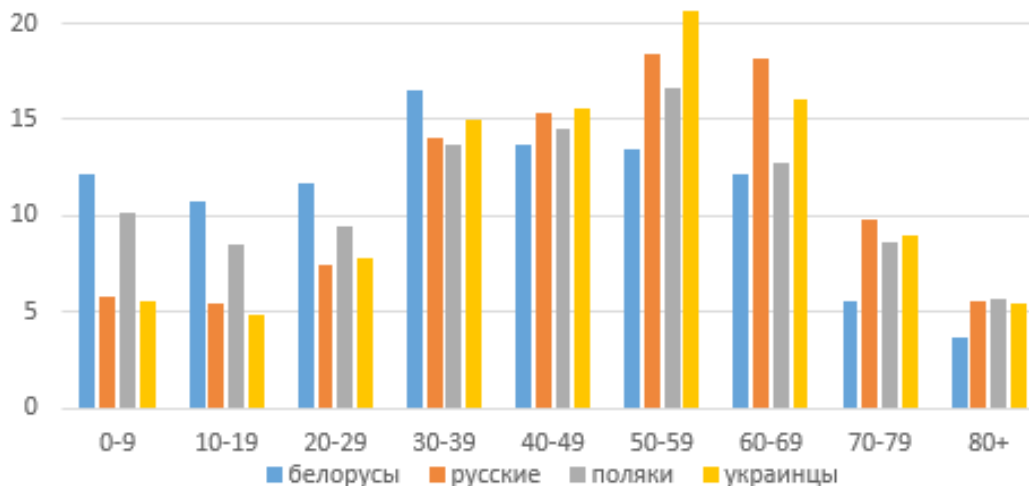

Рис. 3. Возрастная структура основных этнических групп, %

Fig. 3. Age structure of the main ethnic groups, %

Таблица 5

Доля основных национальностей в 10-летних возрастных группах, %

Table 5

Proportion of major nationalities in 10-year age groups, %

Регион	0-9	9-19	20-29	30-39	40-49	50-59	60-69	70-79	80+	V	Ср.
белорусы											
Брестская обл.	91,36	91,44	89,66	87,31	85,16	83,60	83,91	83,53	84,97	0,04	86,9
Витебская обл.	87,30	86,62	84,63	83,18	81,43	80,41	79,54	77,68	78,47	0,04	82,3
Гомельская обл.	92,40	92,00	89,20	88,36	86,46	83,76	83,83	81,48	83,86	0,04	87,2
Гродненская обл.	74,32	74,11	72,44	70,53	66,15	64,60	64,51	60,45	62,34	0,07	68,3
г. Минск	92,78	92,20	90,12	89,01	85,62	81,72	83,15	77,60	77,12	0,07	86,9
Минская обл.	92,94	92,70	91,85	89,64	87,93	85,54	84,80	83,24	84,86	0,04	88,5
Могилёвская обл.	93,75	93,27	92,10	90,37	88,88	86,29	86,72	83,94	85,61	0,04	89,4
Белоруссия	89,94	89,62	87,97	86,42	83,81	81,31	81,59	78,46	79,67	0,05	84,9
русские											
Брестская обл.	4,73	4,69	5,59	7,12	8,08	8,36	9,63	10,09	8,44	0,26	7,3
Витебская обл.	7,78	8,18	9,61	11,73	13,33	13,83	15,01	15,62	14,43	0,23	12,2
Гомельская обл.	4,09	4,15	5,59	7,09	8,40	10,37	10,87	12,45	10,09	0,35	7,8

Гродненская обл.	3,38	3,55	4,23	5,81	7,02	7,76	9,94	9,19	7,55	0,35	6,4
г. Минск	2,92	3,18	3,82	5,35	8,19	11,10	11,42	15,62	15,43	0,56	7,3
Минская обл.	2,30	2,47	3,40	5,01	6,40	8,18	9,29	9,72	8,29	0,45	5,9
Могилёвская обл.	2,28	2,58	3,53	4,96	6,58	8,74	8,82	10,71	8,86	0,46	6,1
Белоруссия	3,78	3,97	4,90	6,52	8,27	9,81	10,77	12,15	10,68	0,38	7,5
поляки											
Брестская обл.	0,60	0,63	0,72	0,80	1,09	1,57	1,46	1,97	2,10	0,45	1,1
Витебская обл.	0,47	0,51	0,58	0,56	0,88	1,08	0,97	1,65	1,94	0,52	0,9
Гомельская обл.	0,14	0,13	0,18	0,15	0,20	0,21	0,22	0,25	0,25	0,22	0,2
Гродненская обл.	19,48	19,00	19,42	20,23	23,20	23,78	21,74	26,36	26,16	0,12	21,7
г. Минск	0,86	0,74	0,99	0,89	1,05	1,15	0,96	1,11	1,02	0,13	1,0
Минская обл.	0,60	0,55	0,74	0,79	1,18	1,43	1,29	2,02	2,00	0,45	1,1
Могилёвская обл.	0,15	0,16	0,19	0,16	0,23	0,26	0,23	0,31	0,24	0,24	0,2
Белоруссия	2,67	2,55	2,56	2,57	3,19	3,61	3,07	4,34	4,45	0,22	3,1
украинцы											
Брестская обл.	1,19	1,13	1,93	2,78	3,74	4,58	3,44	2,87	2,74	0,40	2,8
Витебская обл.	1,28	1,22	1,17	1,47	1,46	1,91	1,90	2,16	1,84	0,21	1,6
Гомельская обл.	0,55	0,58	1,14	1,49	2,03	2,85	2,57	3,19	2,81	0,50	1,8
Гродненская обл.	0,41	0,43	0,55	0,89	1,14	1,45	1,60	1,83	1,58	0,47	1,0
г. Минск	0,85	0,86	1,19	1,55	1,85	2,59	2,07	2,89	3,43	0,45	1,7
Минская обл.	0,73	0,81	1,14	1,41	1,49	1,94	1,84	2,14	1,89	0,32	1,4
Могилёвская обл.	0,60	0,62	0,80	1,13	1,18	1,66	1,43	2,09	1,83	0,40	1,2
Белоруссия	0,81	0,82	1,17	1,57	1,90	2,49	2,16	2,50	2,37	0,37	1,7

Максимальная величина снижения доли русских в г. Минске (в 5,3 раза), Могилёвской (в 3,9 раза), Минской области (в 3,6 раза), минимальная — в Брестской (в 1,8 раза) и Витебской области (в 1,9 раза). Доля украинцев интенсивнее всего снижается в Гомельской области (в 5,1 раза), г. Минске (в 4,0 раза) и Гродненской области (в 3,9 раза), наименее интенсивно — в Витебской (в 1,4 раза) и Брестской области (в 2,3 раза). Если суммировать доли русских, поляков и украинцев, то максимальное снижение их доли в возрасте 0–9 лет по сравнению с возрастом 80 и более лет — в г. Минске (в 4,3 раза), Могилёвской (в 3,6 раза) и Минской областях (3,4 раза), мини-

мальное — в Витебской (в 1,9 раза) и Брестской (в 2,0 раза) областях, а в целом по Белоруссии — в 2,4 раза.

Таким образом, для всех основных этнических меньшинств наблюдается довольно заметное снижение их доли в населении от старших возрастных групп к младшим во всех регионах без исключения, а также возрастание доли белорусов, которая в самой младшей возрастной группе в 5 из 7 регионов превышает 90 %. В то же время этнические показатели рождаемости белорусов самые низкие (табл. 6).

Таблица 6

Число детей, в среднем рождённых одной женщиной (15+ лет)
на момент переписи 2019 г.

Table 6

Number of children born on average per woman (15+ years) at the time of the 2019 census

Национальность	Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	г. Минск	Минская область	Могилёвская область	Белоруссия
Белорусы	1,70	1,51	1,60	1,59	1,24	1,61	1,57	1,52
Русские	1,63	1,55	1,62	1,64	1,38	1,70	1,67	1,57
Поляки	1,80	1,80	1,64	1,73	1,31	1,88	1,56	1,71
Украинцы	1,89	1,60	1,71	1,78	1,43	1,66	1,68	1,65

Примечания: 1) — 1 место; — 2 место; — 3 место; — 4 место;
2) без учёта женщин, количество детей которых не указано при переписи;
3) при расчёте количество детей в группе «5 и более» принималось равным 5.

Во всех регионах доля белорусов, не рожавших детей, самая высокая (14,9–22,0 %, в целом по стране — 17,1 %). Самая высокая доля женщин, родивших одного ребёнка у русских (38,8–37,4 %, в целом — 32,5 %), немного меньшая у украинцев (26,1–39,0 %, в целом — 31,3 %). Самая высокая доля для всех рассматриваемых этнических групп наблюдается у женщин, родивших двух детей, лидируют по данному показателю поляки (36,5–47,4 %, в целом — 41,9 %) и русские (36,8–45,8 %, в целом — 40,5 %). Поляки также лидируют по доле женщин, родивших 3, 4 и 5 и более детей (в целом 12,5; 2,8; 1,6 % соответственно), русские же в этих группах занимают последнее место (8,5; 1,5; 0,9 % соответственно). Соответствующие доли украинцев (9,9; 1,9; 1,4 %) превышают доли белорусов (9,4; 1,9; 1,2 %).

Данные показатели подтверждают тезис о том, что основным фактором снижения доли русских, поляков и украинцев являются не процессы естественного движения населения, а смена этнической идентичности у них на титульную и выбор титульной идентичности детей в этнически смешанных семьях.

Доля русских среди городского населения моложе трудоспособного возраста (МТ) (табл. 7) по сравнению со старше трудоспособного (СТ) уменьшается более интенсивно (в целом в 3,2 раза), чем среди сельского (в 2,2 раза). В максимальной степени доля русских среди городского населения, не считая г. Минска, снизилась в

Минской области (в 5,3 раза) и Могилёвской области (в 4,4 раза); в этих же регионах максимально снизилась её доля и среди сельского населения (соответственно в 2,8 и 2,6 раза). Доля поляков, напротив, среди сельского населения показала более существенное уменьшение (в 2,0 раза), чем среди городского (в 1,1 раза), особенно в Брестской и Витебской областях, где доля среди сельского населения снизилась в 3,8 и 4,0 раза соответственно. Для украинцев, аналогично русским, величина снижения доли населения среди городского населения (в 3,1 раза) выше, чем среди сельского (в 2,3 раза). Особенно интенсивно доля украинцев уменьшилась среди городского населения в Гомельской и Гродненской областях (соответственно, в 5,2 и 5,0 раза), среди сельского в Брестской и Гомельской областях (в 3,1 и 3,3 раза).

Таблица 7

Этновозрастная структура городского и сельского населения, %

Table 7

Ethnic-age structure of urban and rural population, %

Национальность и группа по трудоспособности		Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	г. Минск	Минская область	Могилёвская область	Белоруссия
городское население									
белорусы	моложе трудоспособного	90,5	86,1	92,1	74,5	92,8	92,8	93,5	89,6
	трудоспособного	85,7	81,2	86,4	69,0	87,5	89,0	89,3	84,8
	старше трудоспособного	80,3	76,4	80,8	62,2	80,8	81,1	84,0	78,6
русские	моложе трудоспособного	5,4	8,7	4,4	3,6	3,0	2,3	2,4	4,1
	трудоспособного	8,2	13,0	8,3	6,6	6,4	5,7	5,9	7,6
	старше трудоспособного	12,5	17,3	13,1	11,8	13,1	11,8	10,6	13,0
поляки	моложе трудоспособного	0,7	0,5	0,2	19,0	0,8	0,5	0,2	2,7
	трудоспособного	1,1	0,6	0,2	20,5	1,0	0,9	0,2	2,8
	старше трудоспособного	1,8	0,9	0,3	21,5	1,0	1,4	0,3	3,1
украинцы	моложе трудоспособного	1,3	1,3	0,6	0,4	0,9	0,7	0,6	0,8
	трудоспособного	2,9	1,6	1,9	1,0	1,7	1,3	1,1	1,7
	старше трудоспособного	3,5	2,2	3,1	2,0	2,5	2,2	1,9	2,5
сельское население									
белорусы	моложе трудоспособного	94,0	91,1	93,5	72,9	—	92,7	94,1	91,0
	трудоспособного	89,3	87,5	90,4	67,5	—	89,0	91,0	86,8
	старше трудоспособного	90,2	85,7	89,4	64,8	—	87,7	90,7	85,3
русские	моложе трудоспособного	2,9	5,0	2,8	2,5	—	2,4	2,3	2,8
	трудоспособного	4,5	8,1	5,4	4,4	—	5,3	5,3	5,4
	старше трудоспособного	4,5	9,0	6,4	4,3	—	6,8	6,0	6,2

поляки	моложе трудоспособного	0,4	0,6	0,0	21,6	—	0,6	0,1	2,6
	трудоспособного	0,8	1,3	0,1	25,0	—	1,2	0,1	3,6
	старше трудоспособного	1,5	2,4	0,2	28,5	—	1,8	0,1	5,1
украинцы	моложе трудоспособного	0,9	1,1	0,6	0,4	—	0,8	0,5	0,8
	трудоспособного	3,9	1,2	1,6	1,0	—	1,6	1,2	1,9
	старше трудоспособного	2,8	1,4	2,0	0,9	—	1,7	1,2	1,8

Изменение показателя урбанизации основных национальностей в возрастных группах по трудоспособности иллюстрирует таблица 8. Максимальная доля городского населения во всех группах характерна для русского населения, в целом для республики она практически не меняется; наиболее заметно данный показатель снизился от СТ к МТ в Минской области — на 6,5 %, повысился в Витебской — на 4,3 %. Максимальное увеличение урбанизации характерно для поляков — на 19,1 %, причём она заметно повысилась во всех регионах. Некоторое увеличение доли городского населения в Брестской области — на 11,4 % — отмечено для украинцев, в остальных регионах и в целом по Белоруссии изменение этого показателя невелико. Увеличение доли городского населения заметно и для белорусов — на 8,8 %.

Таблица 8

Доля городского населения основных национальностей по возрастным группам трудоспособности, %

Table 8

Share of urban population of major nationalities by working capacity age groups, %

Национальность и группа по трудоспособности		Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	Минская область	Могилёвская область	Белоруссия
белорусы	моложе трудоспособного	72,2	79,2	77,7	81,8	58,1	82,3	79,3
	трудоспособного	71,9	77,6	77,6	77,6	56,2	80,5	78,8
	старше трудоспособного	60,1	69,7	69,1	65,0	48,2	72,2	70,5
русские	моложе трудоспособного	83,3	87,5	85,1	86,6	57,3	83,1	84,9
	трудоспособного	83,0	85,7	84,8	83,7	58,0	82,4	84,3
	старше трудоспособного	82,3	83,2	83,6	84,2	63,8	83,3	84,6
поляки	моложе трудоспособного	82,5	76,7	92,0	79,4	53,9	92,1	80,0
	трудоспособного	77,8	64,8	88,7	73,4	49,7	90,6	74,4
	старше трудоспособного	66,8	49,3	78,9	59,4	43,5	85,6	60,9
украинцы	моложе трудоспособного	79,2	82,3	78,2	81,2	55,5	84,6	81,2
	трудоспособного	66,3	82,9	81,3	76,4	50,8	80,7	77,4
	старше трудоспособного	67,8	79,8	79,5	81,6	56,0	81,5	78,7

Половозрастной состав городского и сельского населения основных национальностей показан на рисунке 4. Если для русских и украинцев характерны довольно сходные показатели числа мужчин на 1000 женщин среди городского и сельского населения, то для белорусов и поляков ситуация иная — среди сельского населения данные показатели у них довольно близки во всех возрастных группах и в основном значительно выше, чем среди городского.

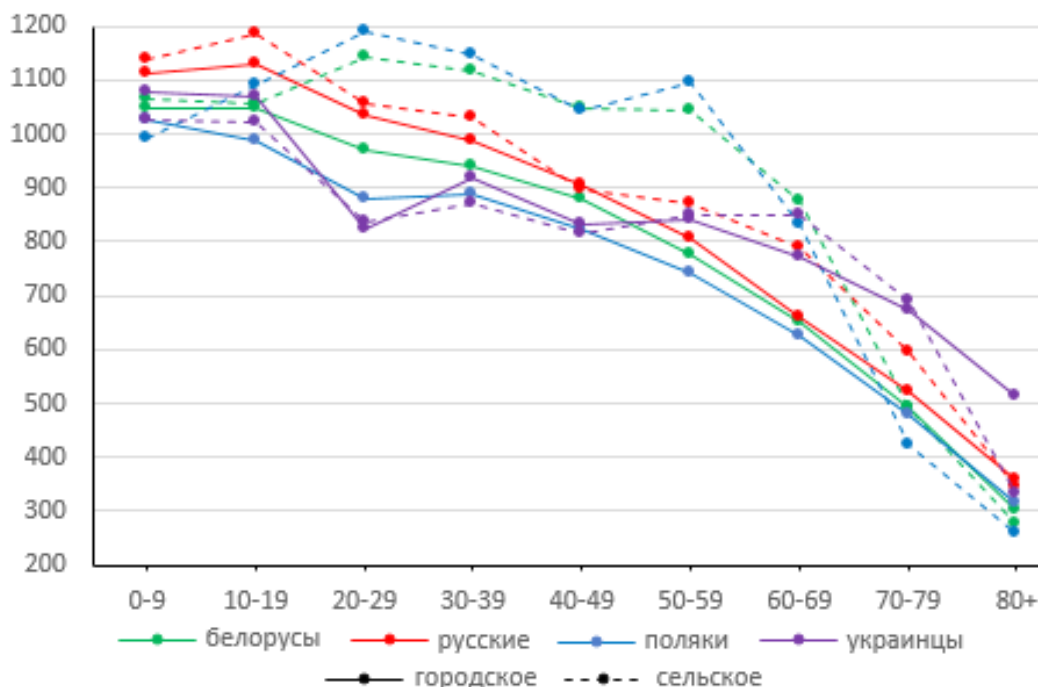

Рис. 4. Половозрастная структура этнических групп (число мужчин на 1000 женщин)

Fig. 4. Age-sex structure of ethnic groups (number of men per 1000 women)

Динамика доли населения основных национальностей по группам от СТ к МТ в общей численности населения по административным районам показана на рис. 5–12. Доля белорусов практически по всем районам страны растёт как среди городского, так и среди сельского населения, причём рост среди городского заметно выше (см. рис. 5–6). Только в одном районе (Докшицкий район Витебской области) доля белорусов среди городского населения СТ выше их доли среди населения МТ. Для сельского населения таких районов 8. Доля белорусов для сельского населения увеличивается не более чем на 5 % в 62 районах, для городского в 17 районах; доля белорусов для городского населения увеличивается на 10–20 % в 41 районе, для сельского населения в 16 районах. Среди населения СТ нет ни одного района, где доля белорусов была бы выше 96 % и только в одном в диапазоне 94–96 %, среди населения МТ таких районов соответственно 23 и 29. Сходная картина наблюдается и среди сельского населения.

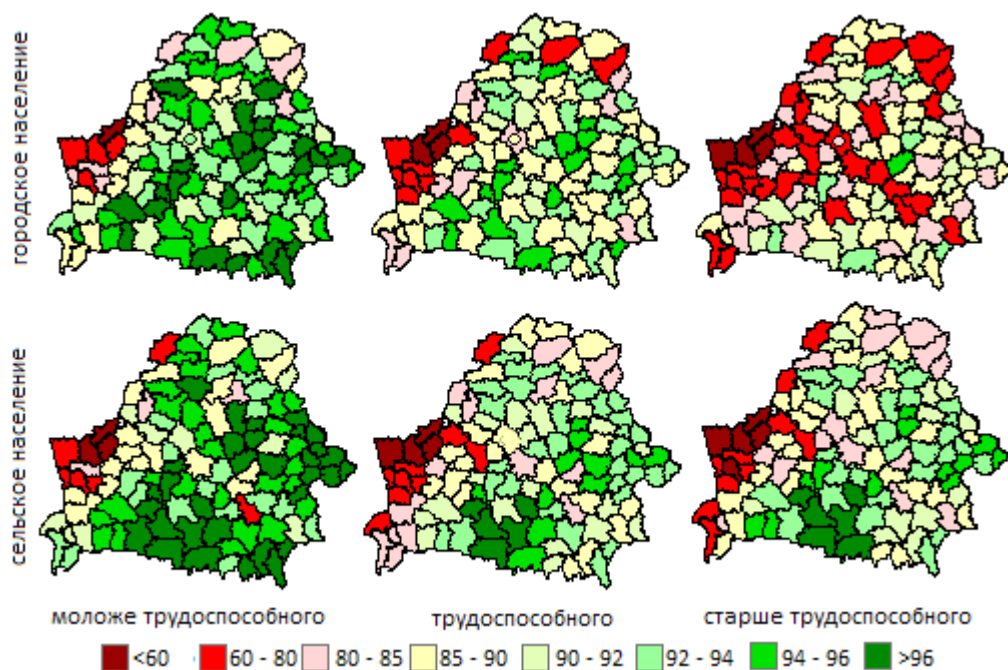

Рис. 5. Доля белорусов среди городского и сельского населения по возрастным группам трудоспособности, %

Fig. 5. Share of Belarusians among urban and rural population by working capacity age groups, %

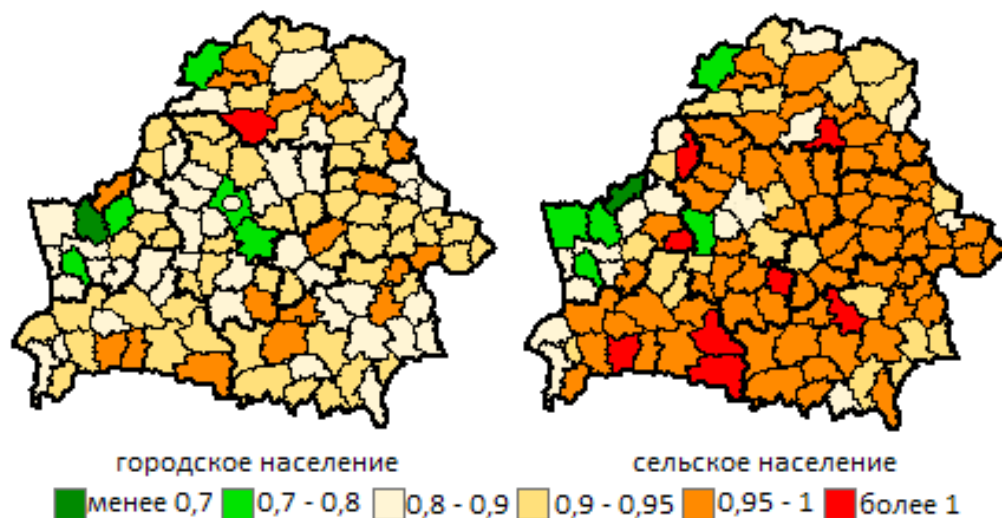

Рис. 6. Отношение доли белорусов среди населения СТ к доле белорусов среди населения МТ

Fig. 6. Ratio of the share of Belarusians among the population below working age to the share of Belarusians among the population above working age

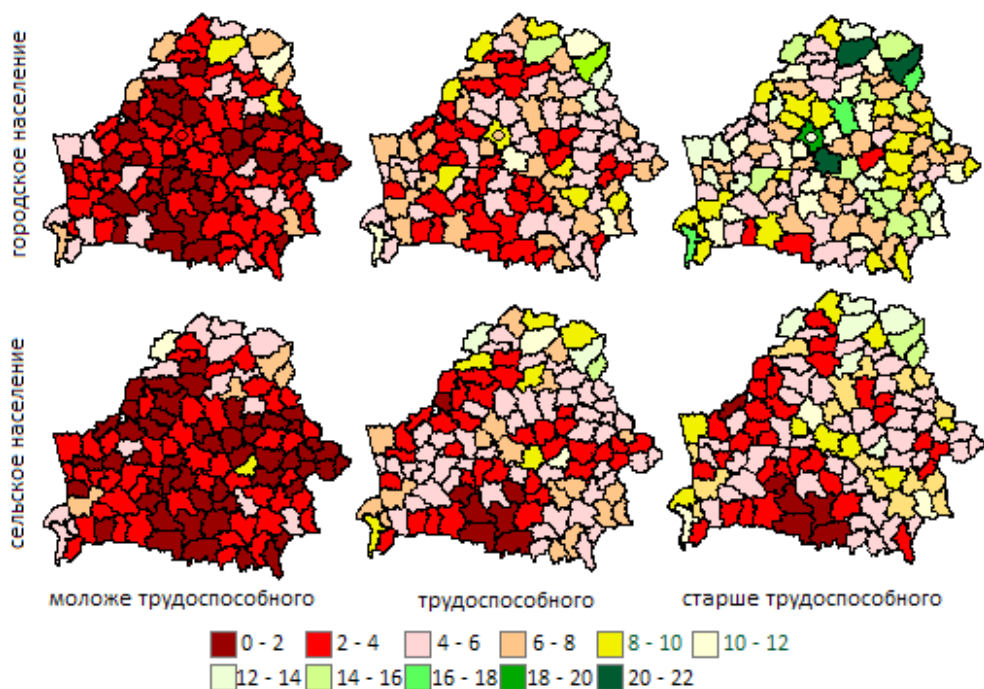

Рис. 7. Доля русских среди городского и сельского населения по возрастным группам трудоспособности, %

Fig. 7. Share of Russians among urban and rural population by working capacity age groups, %

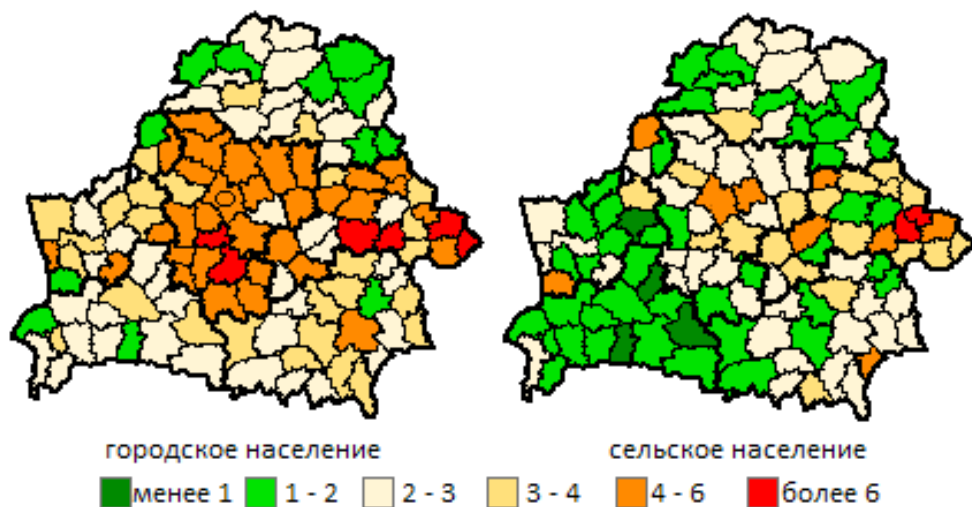

Рис. 8. Отношение доли русских среди населения СТ к доле русских среди населения МТ

Fig. 8. Ratio of the share of Russians among the population below working age to the share of Russians among the population above working age

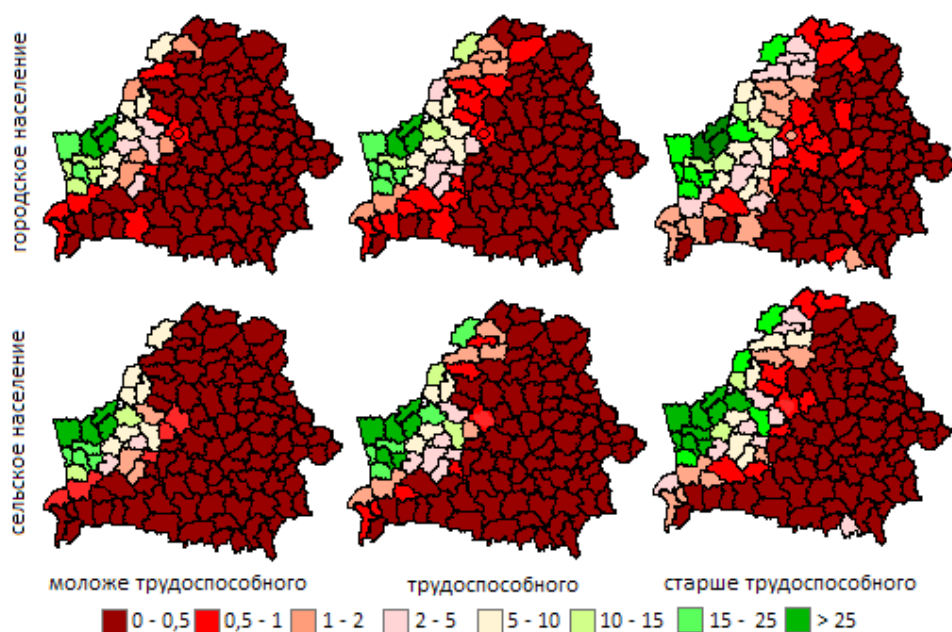

Рис. 9. Доля поляков среди городского и сельского населения по возрастным группам трудоспособности, %

Fig. 9. Share of Poles among urban and rural population by working capacity age groups, %

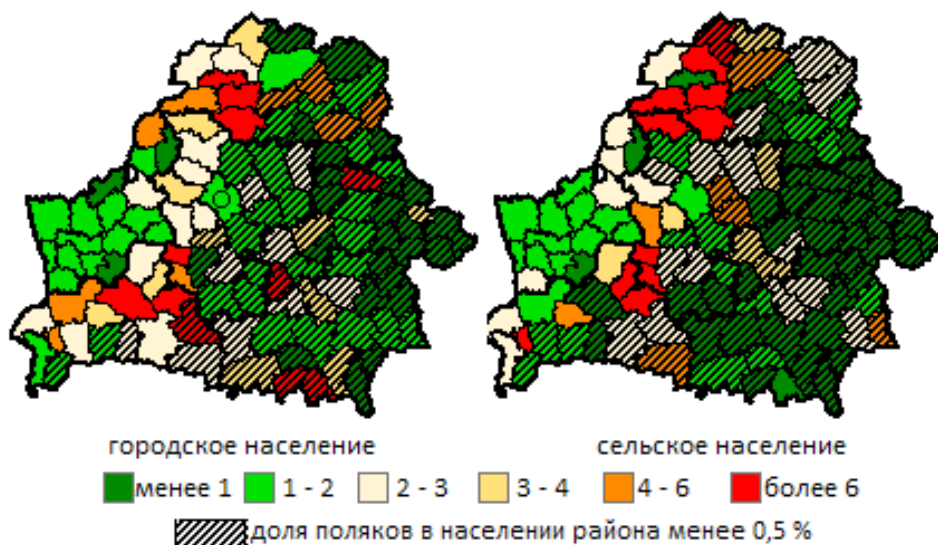

Рис. 10. Отношение доли поляков среди населения СТ к доле поляков среди населения МТ

Fig. 10. Ratio of the share of Poles among the population below working age to the share of Poles among the population above working age

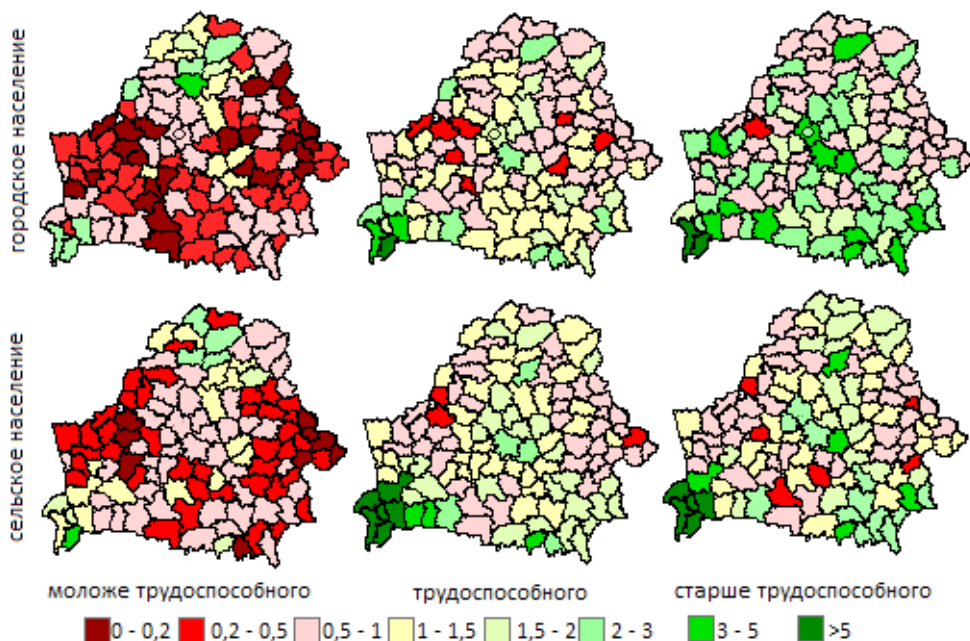

Рис. 11. Доля украинцев среди городского и сельского населения по возрастным группам трудоспособности, %

Fig. 11. Share of Ukrainians among urban and rural population by working capacity age groups, %

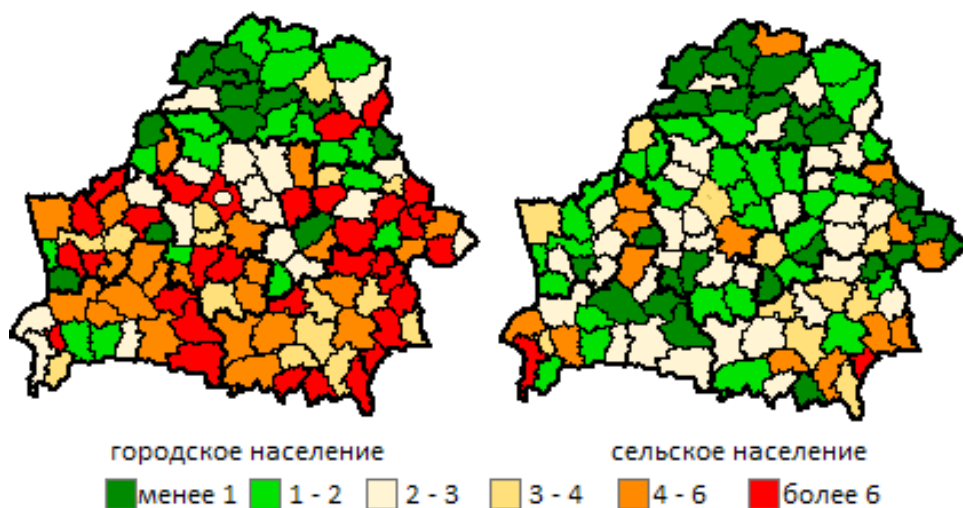

Рис. 12. Отношение доли украинцев среди населения СТ к доле украинцев среди населения МТ

Fig. 12. Ratio of the share of Ukrainians among the population below working age to the share of Ukrainians among the population above working age

Доля русских от СТ к МТ интенсивно снижается, особенно среди городского населения (см. рис. 7–8). Максимальные темпы снижения в районах Минской и Могилёвской области, только среди которых имеются районы, где эта доля снизилась более чем в 6 раз (в 6 районах среди городского и в 2 среди сельского населения). Среди городского населения в 32 из 118 районов республики и г. Минске доля русских среди населения МЛ в 4–6 раз меньше, чем СТ, в 27 районах в 3–4 раза, в 41 районах в 2–3 раза, в 12 районах в 1–2 раза. Среди сельского населения величина снижения данного показателя 4–6 раз отмечена в 9 районах, 3–4 раза в 19 районах, 2–3 раза в 41 районе, в 1–2 в 43 районах; в 4 районах доля русских выросла. Районы, где доля русских в городском населении менее 2 % среди населения СТ и трудоспособного возраста, отсутствуют, среди населения МТ таких районов 37. Среди городского населения МТ отсутствуют районы, где доля русских выше 12 %, тогда как среди населения СТ таких районов 27. Среди сельского населения число районов с долей русских менее 2 % среди населения СТ и трудоспособного возраста составляет 6 и 7 соответственно, а среди населения МТ уже 51 район.

Изменение в группах по трудоспособности долей польского населения, распределение которого характеризуется выраженной территориальной дифференциацией, имеет смысл рассматривать только в районах, где в целом доля польского населения превышает 0,5 % (45 районов и г. Минск для городского и 39 районов для сельского населения), т. к. в других велико влияние случайных факторов. В целом из рассматриваемого набора районов в трёх районах для городского населения и в двух для сельского доля поляков среди МТ выше, чем среди СТ. Ниже в 1–2 раза эта доля в 15 районах и г. Минске для городского и в 13 районах для сельского населения. Более чем в 6 раз она уменьшается в 10 районах для городского и 6 районах для сельского населения. В целом, в отличие от русских, доля поляков интенсивнее снижается по административным районам среди сельского населения, чем среди городского; с уменьшением возраста наблюдается постепенное «стягивание» польского ареала к гродненско-лидскому региону (см. рис. 9–10).

Доля украинцев от СТ к МТ также в основном интенсивно сокращается (см. рис. 11–12). Если среди населения СТ лишь в одном районе доля украинцев среди городского населения составляет менее 0,5 %, то среди населения МТ уже в 63 районах. Среди сельского населения таких районов соответственно 6 и 49. Более чем в 6 раз доля украинцев среди населения МТ ниже доли в населении СТ в 33 районах для городского населения и 2 районах для сельского, ниже в 4–6 раз соответственно в 23 и 13 районах. В Витебской области максимальна доля районов, где доля населения украинцев повысилась как среди городского, так и среди сельского населения.

Выводы. Анализ возрастных особенностей этнической структуры и этнической неоднородности населения Белоруссии позволил сделать следующие выводы:

1. ИЭМ населения Белоруссии снижается от более старших возрастов к более молодым во всех регионах; в целом по стране от уменьшается от 0,351 в возрастной группе 80 и более лет до 0,189 в возрасте 0–9 лет, то есть почти в два раза. В возрасте 0–9 лет значения данного показателя в регионах составляет 58–85 % от средних по регионам значений.

2. Со снижением возраста увеличивается доля белорусов и уменьшается доля русских, поляков и украинцев в общей численности населения. В возрастной группе 0–9 лет по сравнению с группой 80 и более лет доля белорусов увеличилась более чем на 10 % с 79,7 до 89,9 % при средней её доле 84,9 %, доля русских сократилась в 2,8 раза, поляков в 1,7 раза, украинцев в 2,9 раза. Белорусы в возрасте 0–9 лет составляет 12,2 % численности данной этнической группы, в то время как русские — 5,8 %, поляки — 10,1 %, украинцы — 5,5 %.

3. Несмотря на рост доли белорусов с уменьшением возраста населения, данные о соотношении долей женщин различных национальностей по числу рождённых детей показывают, что в среднем белорусы характеризуются самым низким числом рождённых детей на одну женщину в возрасте 15 лет и старше — 1,52. Для русских этот показатель составляет 1,57, для поляков — 1,71, для украинцев — 1,65. Это говорит о том, что основным фактором уменьшения долей населения основных этнических меньшинств в молодых возрастных группах является смена этнической идентичности.

4. В разрезе типов местности для русских и украинцев характерно более интенсивное снижение доли для городского населения, чем для сельского, для поляков наоборот. В разрезе регионов лидерами по снижению доли русских являются г. Минск и Могилёвская область, поляков — Витебская и Минская области, украинцев — Гомельская область и г. Минск. Резкое снижение доли отдельных этнических групп в г. Минске и самое большое по регионам уменьшение ИЭМ его населения может быть связано с искажениями результатов переписи населения 2019 г.

5. Сравнительный картографический анализ долей основных национальностей в городском и сельском населении по административным районам среди населения старше трудоспособного, трудоспособного и моложе трудоспособного возрастов позволяет выявить пространственные особенности уменьшения долей этнических групп по мере уменьшения возраста населения.

Литература

1. *Антропов Е. В.* Этнодемографические процессы в Сибири в XX–XXI вв.: общая характеристика // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 22. С. 619–628.
2. *Атанесян Г., Акопян Г.* Проблемы сохранения этнической идентичности белорусской диаспоры в советской и постсоветской Армении // Человек и культура. 2020. № 6. С. 56–63. DOI: 10.25136/2409-8744.2020.6.34379.
3. *Бубликов В. В.* Между русскими и украинцами: трансформация этнической идентичности лиц с русско-украинской этничностью в России // Этнографическое обозрение. 2022. № 2. С. 168–187. DOI: 10.31857/S0869541522020117.
4. *Бубликов В. В.* Множественная этническая идентичность и её влияние на статистику национального состава населения России // Межэтнические отношения и процессы в современном мире: Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2019. С. 63–67.
5. *Бубликов В. В.* Этнические меньшинства и уровень их интеграции в Белгородской области: история формирования и современные тенденции развития. Белгород: КОНСТАНТА, 2015. 332 с.
6. *Бувев А. Л., Буховец О. Г.* Государственный билингвизм. Положение русских и русскоязычные в Республике Беларусь // Современная Европа. 2018. № 3 (82). С. 71–82. DOI: 10.15211/soveurope320187182.
7. *Винер Б. Е.* К построению качественной регрессионной модели этнической идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 3. С. 121–142.

8. Волков А. Г. Этнически смешанные семьи в СССР: динамика и состав // Вестник статистики. 1989. № 7. С. 12–26; № 8. С. 8–24.
9. Воропаева А. Г. Динамика этнической идентичности украинцев Молчановского района Томской области в 1950–1970-е гг. (по данным похозяйственных книг) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 2. С. 45–53. DOI: 10.17223/22220836/22/5.
10. Ермак Г. Г. Этнокультурная история украинцев Приморского края // У карты Тихого океана. 2015. № 35 (233). С. 10–13.
11. Кабузан В. М. Русские в мире. Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб.: Рус.-Балт. информ. центр «БЛИЦ», 1996. 352 с.
12. Касперович Г. И. Миграция населения в города и этнические процессы: На материалах исследования городского населения БССР. Минск: Наука и техника, 1985. 147 с.
13. Кожевникова Н. И., Рыбаковский Л. Л., Сигарева Е. П. Русские: этническая гомогенность? (Опыт социологического исследования). М.: ИСПИ РАН, 1998. 32 с.
14. Люля Н. В. Проявление множественной этнической идентичности среди русско-украинских биэтносов России // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2023. Т. 10. № 4 (40). С. 118–126. DOI: 10.24147/2312–1300.2023.10(4).118–126.
15. Манаков А. Г., Муравьев А. Д. Картографический анализ динамики численности белорусов и украинцев в России с 1959 по 2010 гг. // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2022. Т. 15. № 2. С. 108–119.
16. Манаков А. Г. Территориальные различия в доле русских в постсоветских странах Восточной Европы и Балтии // Известия РАН. Серия географическая. 2020. Т. 84. № 2. С. 179–190. DOI: 10.31857/S2587556620020090.
17. Орлов А. Ю. Геодемографические исследования этноассимиляционных процессов (на примере населения Приволжского федерального округа) // География и природные ресурсы. 2011. № 1. С. 129–136.
18. Петрухина Д. В. Белорусы Поволжья: современные условия сохранения этнической идентичности // Власть истории — История власти. Т. 10. Ч. 4. № 54. С. 86–93.
19. Сафронов С. Г. Современные тенденции трансформации этнического состава населения России // Балтийский регион. 2015. № 3 (25). С. 138–153.
20. Соколов А. С. Оценка достоверности результатов переписи населения 2019 года в Белоруссии на основе анализа изменений в этнолингвистическом составе населения // Демографическое обозрение. 2022. Т. 9. № 4. С. 61–103. DOI: 10.17323/demreview.v9i4.16744.
21. Степанов В. В. Этнокультурное многообразие России и возможности статистических измерений // Этническое и религиозное многообразие России. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 62–88.
22. Сушко М. Ю. Язык как фактор сохранения исторической национальной самоидентичности жителей Саратовской области (по итогам переписи 2010 года) // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20. Вып. 1. С. 134–138. DOI: 10.18500/1819-4907-2020-20-1-134-138.
23. Суций С. Я. Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 2. С. 6–30. DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11137.
24. Суций С. Я. Русские ближнего зарубежья: история, современность, перспективы (геодемографический аспект). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2019. 344 с.
25. Фурсова Е. Ф. Проблемы этнокультурной идентичности украинского населения Западной Сибири (в начале XX и начале XXI века) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. 25. С. 748–753. DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.748-753.
26. Шаронов В. В. Проблема формирования национального (этно-национального) сознания и этнического самосознания населения Среднего Поволжья на современном этапе развития российского общества // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 2. С. 433–436.
27. Швец А. Б., Сикач К. Ю. Новая реальность этнического пространства в российском Крыму // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. Т. 6 (16). Вып. 3. С. 301–313.

28. Шульга Е. П. Трансформация идентичности украинской городской диаспоры Кыргызстана (на примере языковых предпочтений) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 4. С. 308–314.
29. Ugglä C., Saarela J. First Partner Choice in a Native Minority: The Role of Own and Parental Ethnolinguistic Affiliation // European Journal of Population. 2024. Vol. 40. No. 1. Article number 3. DOI: 10.1007/s10680-023-09683-2.

References

1. Antropov E. V. (2008), Ethnodemographic processes in Siberia in the 20th — 21st centuries: general characteristic, *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, no. 22, pp. 619–628. (In Russ.).
2. Atanesyan G., Hakobyan G. (2020), Problems of Preserving the Ethnic Identity of the Belarusian Diaspora in Soviet and Post-Soviet Armenia, *Man and Culture*, no. 6, pp. 56–63. (In Russ.). DOI: 10.25136/2409-8744.2020.6.34379.
3. Bublikov V. V. (2022), Between Russians and Ukrainians: Transformation of Ethnic Identity of Persons with Russian-Ukrainian Ethnicity in Russia, *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 168–187. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0869541522020117.
4. Bublikov V. V. (2019), Multiple ethnic identity and its impact on the statistics of the ethnic composition of the population of Russia, *Mezhjetnicheskie otnosheniya i processy v sovremennom mire* [Interethnic relations and processes in the modern world], Ulan-Ude, pp. 63–67. (In Russ.).
5. Bublikov V. V. (2015), *Jetnicheskie men'shinstva i uroven' ih integracii v Belgorodskoj oblasti: istorija formirovaniya i sovremennye tendencii razvitiya* [Ethnic minorities and the level of their integration in the Belgorod region: history of formation and modern development trends], Belgorod, Constanta, 332 p. (In Russ.).
6. Buyeu A. L., Bukhovets O. G. (2018), State Bilingualism. Conditions of Russians and Russian-speaking in the Republic of Belarus, *Contemporary Europe*, no. 3, pp. 71–82. (In Russ.). DOI: 10.15211/soveurope320187182.
7. Viner B. Ye. (1998), K postroeniju kachestvennoj regressioonnoj modeli jetnicheskoy identichnosti [To the construction of a qualitative regression model of ethnic identity], *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 1, no. 3, pp. 121–142. (In Russ.).
8. Volkov A. G. (1989), Jetnicheski smeshannye sem'i v SSSR: dinamika i sostav [Ethnically mixed families in the USSR: dynamics and composition], *Voprosy statistiki* [Issues of statistics], no. 7, pp. 12–26. (In Russ.).
9. Voropaeva A. G. (2016), Dynamics of ethnic identity Ukrainians in Molchanovsky district of Tomsk region in 1950–1970-es (according to the household books), *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, no. 2 (22), pp. 45–53. (In Russ.). DOI: 10.17223/22220836/22/5.
10. Yermak G. G. (2015), Jetnokul'turnaja istorija ukraincev Primorskogo kraja [Ethnocultural history of Ukrainians of Primorsky Krai], *U karty Tihogo okeana* [At the map of the Pacific Ocean], no. 35, pp. 10–13. (In Russ.).
11. Kabuzan V. M. (1996), *Russkie v mire. Dinamika chislennosti i rasseleniya (1719–1989). Formirovanie jetnicheskikh i politicheskikh granic russkogo naroda* [Russians in the world. Dynamics of population and settlement (1719–1989). Formation of ethnic and political boundaries of the Russian people], St. Petersburg, Blits, 352 p. (In Russ.).
12. Kasperovich G. I. (1985), *Migracija naseleniya v goroda i jetnicheskie processy: Na materialah issledovaniya gorodskogo naseleniya BSSR* [Migration of the population to cities and ethnic processes: Based on the materials of the study of the urban population of the BSSR], Minsk, Nauka i tehnika, 147 p.
13. Kozhevnikova N. I., Rybakovskij L. L., Sigareva E. P. (1998), *Russkie: jetnicheskaja gomogenost'?* (*Opyt sociologicheskogo issledovaniya*) [Russians: Ethnic Homogeneity? (An Experiment in Sociological Research)], Moscow, ISPI RAN, 32 p. (In Russ.).
14. Lyulya N. V. (2023), Manifestation of Multiple Ethnic Identity Among Russian-Ukrainian Bietnors of Russia, *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, Vol. 10, no. 4 (40), pp. 118–126. (In Russ.). DOI: 10.24147/2312-300.2023.10(4).118-126.

15. Manakov A. G., Muravyov A. D. (2022), Cartographic analysis of the dynamics of the number of Belarusians and Ukrainians in Russia from 1959 to 2010, *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Estestvennye i fizikomatematicheskie nauki* [Bulletin of the Pskov State University. Series “Natural and physical and mathematical sciences”], vol. 15, no. 2, pp. 108–119. (In Russ.).
16. Manakov A. G. (2020), Territorial Differences in the Dynamics of Russians in the Post-Soviet Eastern European and Baltic Countries, *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, vol. 84, no. 2, pp. 179–190. (In Russ.). DOI: 10.31857/S2587556620020090.
17. Orlov A. Yu. (2011), Geodemographic studies of ethnoassimilation processes (on the example of the population of the Volga Federal District), *Geography and Natural Resources*, no. 1, pp. 129–136. (In Russ.).
18. Petrukhina D. V. (2024) Belarusians of the Volga region: modern conditions for preserving ethnic identity, *The Power Of History — The History Of Power*, vol. 10, iss. 4, no. 54, pp. 84–93. (In Russ.).
19. Safronov S. G. (2015), Russian population ethnic structure: trends and transformations, *Baltic Region*, no. 3, pp. 138–153. (In Russ.).
20. Sokolov A. S. (2022), Assessment of reliability of results of the 2019 Belarus population census based on an analysis of changes in the ethnolinguistic composition of the population, *Demographic Review*, vol. 9, no. 4, pp. 61–103. DOI: 10.17323/demreview.v9i4.16744.
21. Stepanov V. V. (2018), Jetnokul'turnoe mnogoobrazie Rossii i vozmozhnosti statisticheskikh izmerenij [Ethnocultural diversity of Russia and the possibilities of statistical measurements], *Jetnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii* [Ethnic and religious diversity of Russia], Moscow, RAS, pp. 62–88. (In Russ.).
22. Sushko M. Y. (2020), Language as a Factor of Preservation of Historical National Self-Identity of Inhabitants of the Saratov Region (Based on the Results of the 2010 Population Census), *Izvestiya of Saratov university. New series. Series: History. International relations*, vol. 20, no. 1, pp. 134–138. (In Russ.). DOI: 0.18500/1819-4907-2020-20-1-134-138.
23. Sushchiy S. Ya. (2020), The Russian population of the near abroad: geodemographic dynamics of the post-Soviet period, *Demographical Review*, vol. 7, no. 2, pp. 6–30. (In Russ.). DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11137.
24. Sushchiy S. Ya. (2019), *Russkie blizhnego zarubezh'ja: istoriya, sovremennost', perspektivy (geodemograficheskij aspekt)* [Russians of the near abroad: history, modernity, prospects (geodemographic aspect)], Rostov-on-Don, RAS, 344 p. (In Russ.).
25. Fursova E. F. (2019), Problems of Ethnic and Cultural Identity of the Ukrainian Population of Western Siberia (Early 20th and Early 21st Centuries), *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, vol. 25, pp. 748–753. (In Russ.). DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.748-753.
26. Sharapov V. V. (2018), The problem of the national (ethno-national) consciousness' formation and ethnic self-actualization of the Middle Volga region's population at the modern stage of Russian society development, *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, vol. 7, no. 2, pp. 433–436. (In Russ.).
27. Shvets A. B., Sikach K. Yu. (2020), The new reality of ethnic space in the Russian Crimea, *Geopolitics and Ecogeodynamics of regions*, vol. 6, no. 3, pp. 301–313. (In Russ.).
28. Shulga E. P. (2014), The transformation of the urban identity of the Ukrainian community in Kyrgyzstan (on the example of language preference), *Surgut State Pedagogical University Bulletin*, no. 4, pp. 301–313. (In Russ.).
29. Uggla C., Saarela J. (2024), First Partner Choice in a Native Minority: The Role of Own and Parental Ethnolinguistic Affiliation, *European Journal of Population*, vol. 40, no. 1, article no. 3. DOI: 10.1007/s10680-023-09683-2.

Сведения об авторе

Соколов Александр Сергеевич — старший преподаватель кафедры экологии, Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, г. Гомель, Республика Беларусь; соискатель кафедры географии, Псковский государственный университет, г. Псков, Россия.

E-mail: alsokol@tut.by

ORCID: 0000-0003-4676-9600

About the author

Aleksandr Sokolov, Senior Lecturer, Department of Ecology, Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus; Applicant of the Department of Geography, Pskov State University, Pskov, Russia.

E-mail: alsokol@tut.by

ORCID: 0000-0003-4676-9600

Поступила в редакцию 09.03.2025 г.

Поступила после доработки 21.04.2025 г.

Статья принята к публикации 19.05.2025 г.

Received 09.03.2025.

Received in revised form 21.04.2025.

Accepted 19.05.2025.